
А. Д. СУХОВ

ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА И РУССКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XIX в.

Две философии, марксистская и русская революционно-демократическая, существовали независимо одна от другой, развитие их шло параллельно, но в одном направлении и давало сходные результаты. Отличались эти философии степенью постижения трактующих проблем, категориальным аппаратом, но являлись они не антиподами, а аналогами.

***Ключевые слова:** философии – марксистская и русская материалистическая, их непосредственные предшественники, метод, трактовки общества.*

История философии знает не только эволюционное развитие, но и перевороты. Все они имели революционный характер. Менялось само восприятие действительности, формы и методы ее истолкования. Каждый из них, внося обновление, не мог, конечно, отрешиться и от прошлого, утратить связи с ним. В преддверии новой философии находились ее предшественники. Были среди них и такие, которые предвещали сам тип нового философствования. Не представлял собой исключения и тот переворот, начало которому было положено в 40-х гг. XIX в. К тем, кто непосредственно его подготовил, с полным на то основанием причисляют Г. Гегеля и Л. Фейербаха.

Гегеля можно рассматривать как первооткрывателя форм диалектического движения. Но он представил диалектику философскому сообществу в мистифицированном виде, ее необходимо было переосмыслить. Это и было сделано философией, которую символизирует имя К. Маркса, – марксистской.

«Мой диалектический метод, – писал Маркс, – по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он пре-

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2013 158–173

вращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». По образному выражению Маркса, диалектика у Гегеля стояла «на голове». Ее надо было «поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹.

Ф. Энгельс рассказал о том, чье влияние помогло им с Марксом избавиться от идеализма «гегельянщины» и обрести материалистические убеждения. Он указал на сочинение Фейербаха «Сущность христианства», в котором «без обиняков» было провозглашено «торжество материализма». «Надо было пережить освободительное действие этой книги, – вспоминал Энгельс в 1886 г., – чтобы составить себе представление об этом... С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, можно представить себе, прочитав “Святое семейство”»². То, что писал здесь Энгельс о Марксе, следует отнести и к нему самому. «Святое семейство» было создано ими совместно в 1844 г.

Взяв за исходные пункты все сделанное Гегелем и Фейербахом, Маркс и Энгельс создали принципиально новое философское учение, преодолев и преобразовав как гегельянство, так и фейербахианство.

Начатки собственных воззрений Маркс и Энгельс вырабатывали каждый сам по себе, самостоятельно и независимо один от другого. Энгельс, проживая в Манчестере, одном из промышленных центров Англии, куда он был послан отцом-фабрикантом в 1842 г. для работы в фирме «Эрмен и Энгельс», по его словам, «что называется, носом» натолкнулся на то, что именно «экономические факты», которые в науке того времени вовсе не принимались во внимание, представляют собой «решающую историческую силу», что эти факты и создают основу «для всей политической истории»³. В это же время Маркс обратился к политэкономии, работая в леворадикальной немецкой прессе.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – С. 21–22.

² Там же. – Т. 21. – С. 281.

³ Там же. – С. 220.

Знакомство и дружба Энгельса с Марксом не совпали по времени. Концом ноября 1842 г. датируется их первая встреча в Бонне, «весьма холодная», как назвал ее Энгельс в 1895 г.⁴ Молодые люди, только что начавшие свой путь, не оценили и не поняли тогда друг друга. Дружба и сотрудничество начались позже, через два года после этой встречи, в Париже осенью 1844 г. К этому времени взгляды обоих не только обрели четкие контуры, но и получили отражение в их публикациях. Возникло содружество, редкое по взаимному согласию, с общностью убеждений, жизненных принципов, нравственных установок. В оставленном ими наследии есть произведения, написанные в соавторстве или же индивидуально, но выражающие мысли, выработанные совместно.

В своих публикациях Маркс и Энгельс старались не дублировать друг друга, не повторять то, что уже было сказано одним из них. Между ними существовало разделение труда, и каждый разрабатывал по преимуществу вполне конкретную сферу знания. Маркс посвятил свои силы главным образом изучению экономической структуры общества; главное сочинение, созданное им, – «Капитал». Энгельс больше, чем Маркс, писал о философии, и результатом этой работы стали его монографические сочинения: «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которых в системном виде представлена философия нового типа. Творческая деятельность каждого из них, ограниченная спецификой труда, не являлась, само собой разумеется, обособленной. Как Энгельс причастен к политической экономии, так и Маркс – к философии. Что касается только что упомянутых произведений, то «Анти-Дюринг», созданный при жизни Маркса, был прочитан им в рукописи, а два из трех томов «Капитала» доводились до издания Энгельсом после кончины Маркса.

Философия, оставленная ими и впоследствии разрабатывавшаяся дальше, носит название марксистской. Сам Энгельс неоднократно подчеркивал в их союзе преобладающую значимость Маркса. Он утверждал, например, что сделанное им «лишь в слабой степени» может заменить работу покойного друга; что в созданном

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 39. – С. 391.

ими он вправе приписать себе «лишь очень небольшое участие»; что того, чем он дополнил осуществленное Марксом, «совершенно недостаточно»⁵ и т. д. Можно ли согласиться со всеми этими и им подобными самооценками Энгельса? Очевидно, что нет. В. И. Ленин в своей известной статье «Карл Маркс», воздавая должное создателю «Капитала», писал и о том, что ни понять марксизм, ни представить его в целостном виде нельзя, не считаясь со всеми сочинениями его ближайшего единомышленника и сотрудника.

Создание материалистической диалектики, или диалектического материализма, дало возможность научно трактовать не только природу, что не было чуждо и прежней философии, но также и общество – как закономерное явление.

В советской историко-философской литературе, как и в официальной идеологии того времени, принято было рассматривать марксистскую философию как нечто совершенно уникальное, лишенное каких-либо аналогов и совпадений. Факты, однако, не подтверждают подобных посылок. Они свидетельствуют о том, что марксизм и его философия, являясь велением времени, сопровождалась сходным исследовательским поиском в иных местах и другими лицами, где и когда складывались соответственные этому предпосылки и условия. На стремление продвигаться теми же путями, что и они с Марксом, и вполне самостоятельно, независимо от них, обращалось внимание в некоторых сочинениях Энгельса.

В 1884 г. Энгельсом написана работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства», одно из главных произведений марксизма, где было изложено понимание им общества и свойственных обществу институтов и явлений. Создано оно в связи с опубликованной в 1877 г. книгой американского ученого Л. Г. Моргана «Древнее общество». Интерес к этой книге проявлял и Маркс, незадолго до смерти, в 1880–1881 гг., ознакомившийся с ней, оставивший ее конспект и замечания по тексту. Книга Моргана, пометки Маркса, а также обширные материалы по истории, археологии и этнографии, собранные им самим, и были положены в основу исследования, проведенного Энгельсом. В теоретическом плане он сопоставил то, чего достиг Морган, с тем, к чему пришли

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 25, 220, 337.

они с Марксом. Сравнение это позволило ему сделать следующий вывод: «...Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел... в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс...

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни»⁶. Не только о прошлом общества, его истории, но и о его «грядущем преобразовании» Морган высказался «в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс»⁷.

В 1886 г. Энгельс создает еще одно основополагающее произведение марксизма – «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Он воспроизвел здесь процесс формирования материалистической диалектики. Гегель с его философией «не был просто отброшен в сторону». В ходе преодоления гегельянства диалектика была сведена к науке, исследующей общие законы внешнего мира, с одной стороны, и мышления – с другой. Было выявлено тождество по сути этих двух рядов законов. Диалектика понятий предстала отражением диалектического движения действительности. «И замечательно, – подчеркивал Энгельс, – что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием...» Он указал на еще одного немецкого мыслителя, причастного к созданию материалистической диалектики: «...Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас и даже независимо от Гегеля»⁸. Энгельс ссылается при этом на книгу Дицгена «Сущность головной работы человека», которая была издана в 1869 г.

В русской философии подобное также имело место. И дело здесь не ограничилось лишь индивидуальным проявлением. Сложилось целое направление, представленное выдающимися философами. Это А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 21. – С. 25.

⁷ Там же. – Т. 22. – С. 225.

⁸ Там же. – Т. 21. – С. 301, 302.

Н. А. Добролюбов, а также их ученики и последователи. Все они – революционные демократы.

Представители марксистской философии признавали родство, сходство идей, высказанных мыслителями, принадлежавшими к этому направлению, с их собственными.

В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» писал о том, что Герцен уже в 40-х гг. XIX в. стал в один ряд с величайшими мыслителями того времени. Вне сомнения, что к таким мыслителям Ленин причислял Маркса и Энгельса, именно тогда представивших первые результаты своей деятельности. Уже в это время Герцен, по словам Ленина, не только усвоил диалектику Гегеля, но пошел дальше Гегеля, вслед за Фейербахом. Он вплотную приблизился к диалектическому материализму – философии марксизма.

Предвзято упрекая Герцена в идеализме, который к тому моменту был им уже преодолен, Г. В. Плеханов тем не менее находил в «Письмах об изучении природы» страницы «поистине блестящие», и их было множество. На этих страницах излагался «диалектический взгляд на мировой процесс». Некоторые из них настолько напоминали Плеханову мысли из «Анти-Дюринга», что ему казалось: они написаны не Герценом и не в начале 40-х гг., а Энгельсом – во второй половине 70-х гг. «А это поразительное сходство, – считал Плеханов, – показывает, что ум Герцена работал в том самом направлении, в каком работал ум Энгельса, а, стало быть, и Маркса. Недаром Герцен проходил ту же школу Гегеля, через которую прошли почти одновременно с ним основатели научного социализма». Сближает «Письма» с «Анти-Дюрингом» и то, что здесь и там настойчиво звучит призыв к естествоиспытателям диалектически исследовать природу. Энгельс повторяет, «разумеется, нимало не подозревая этого», то, что было уже сказано в «Письмах об изучении природы». А размышления о судьбах человечества обратили Герцена, по мнению Плеханова, «в сторону исторического материализма»⁹.

Исследуя творчество Белинского, Плеханов писал о том, что, испытав последовательно воздействия, шедшие от Гегеля и Фейербаха, и сделавшись материалистом, этот русский мыслитель стал

⁹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5 т. – М., 1958. – Т. IV. – С. 702, 703, 705, 728.

«самой замечательной философской организацией, когда-либо выступавшей в нашей литературе». Плеханов высказывал предположение, что Белинский мог бы быть «адептом» марксистского диалектического материализма, и даже «ревностным»: «историческое развитие увлекшей его философской мысли направлялось как раз в эту сторону». В том же плане проявляли себя политические и социальные тенденции, свойственные его мировоззрению. «Белинский не дожил до той поры, когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после выступления его на литературное поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму»¹⁰.

Чернышевского Плеханов считал человеком, который одарен умом «замечательным», «очень деятельным», «из ряда выходящим». Он говорил, что русское правительство, устранив Чернышевского из общественной жизни, большего преступления по отношению к умственному развитию страны совершить не могло. Плеханов полагал даже, что, «рассуждая отвлеченно», позволительно думать: Чернышевский мог бы «сделать то, что сделали Маркс и Энгельс». Во всяком случае анализ его творчества не оставляет сомнений: мысль его «шла по тому же самому пути, который привел западноевропейскую мысль к марксизму»¹¹.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин называл Чернышевского великим русским гегельянцем, имея в виду его приверженность к диалектике, и материалистом. Он находил, что при решении некоторых философских проблем Чернышевский стоит «вполне» на уровне Энгельса.

Не без влияния Чернышевского происходило становление Ленина как политического деятеля и мыслителя. В юности он был увлечен романом «Что делать?». Увлечение это не проходило и в дальнейшем. Одному из своих произведений, подтверждая реально существующую преемственность, Ленин дал аналогичное название. Статьи Чернышевского, публиковавшиеся в свое время в журнале «Современник», молодым Лениным были разысканы и прочтены не один раз. Он говорил, что Чернышевский всего его

¹⁰ Плеханов Г. В. Указ. соч. – С. 466, 454, 521.

¹¹ Там же. – С. 87, 407.

глубоко перепахал. Обретенными им философскими взглядами Ленин считал себя во многом обязанным ему. «Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса»¹².

Н. Валентинов (Н. В. Вольский), который был близко знаком с Лениным в эмиграции, общался и беседовал с ним, писал, обобщая свои впечатления, следующее: «... нельзя утверждать, будто только один Маркс, марксизм “вылепил” Ленина. Под влиянием произведений Чернышевского Ленин, к моменту встречи с марксизмом, оказался уже крепко вооруженным некоторыми революционными идеями, составившими специфические черты его политической физиономии именно как Ленина»¹³.

Ленин рассказывал и о влиянии, оказанном на него другими революционными демократами, Н. А. Добролюбовым и В. Г. Белинским, но считал это влияние дополнительным.

Философия русской революционной демократии имела те же идейные истоки, что и марксистская; непосредственно предваряли ее также Гегель и Фейербах.

Герцен находил даже, что человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля, – «не полон», «не современен». Гегель, в его трактовке, «великий мыслитель», «мощный гений». Но Герцен не стал не критичным сторонником гегелизма. По его мнению, Гегель, создав учение о диалектике на идеалистической основе, завершил очередной этап в истории философии. Дальше идти в том же направлении некуда. После Гегеля нет возможности сделать хотя бы еще один шаг, чтобы не оставить за собой идеализм «совершенно». И Герцен начинает «ссориться» с Гегелем из-за его идеализма, читать его материалистическим. Развитию его как материалиста, осуществлявшемуся имманентно, содействовал еще и Фейербах, сочинение которого «Сущность христианства» привез в 1842 г. в Новгород, где Герцен находился в ссылке, посетивший его там Н. П. Огарев. Герцен так воспроизводит свое тогдашнее впечатле-

¹² См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет. – М., 1993. – С. 77.

¹³ Там же. – С. 75.

ние от этой книги: «Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы!»¹⁴

Но отказ от идеализма Гегеля не сопровождался отречением от его «методы». Вновь и вновь обращаясь к сочинениям Гегеля, перечитывая их, Герцен обосновывает свой метод материалистически и, обновив его подобным образом, применяет в своих исследованиях. Философский корабль, на который он мысленно помещает себя, отправляется «к иным пристаням»... Речь при этом у него идет уже о «новой философии».

Герцен не только слышал о Марксе, знал о его деятельности – он много лет прожил с ним в одном городе, Лондоне, где оба они были эмигрантами. Но личного знакомства и каких-либо контактов между ними не было. Более того, отношения у них сложились неприязненные, враждебные. Сопровождались они резкими полемическими выпадами, шедшими с обеих сторон. Маркса и Энгельса настораживала близость Герцена с П. Ж. Прудоном, К. Фохтом и особенно с М. А. Бакуниным, конфликтовавшим с Марксом в Интернационале. Степень близости Герцена с отмеченными лицами еще и преувеличивалась не всегда достоверной информацией. Вовсе не был так солидарен Герцен с Бакуниным, как это кому-то казалось.

«Вся моя вражда с марсидами, – так называл Герцен марксистов, – из-за Бакунина»¹⁵. Слова эти сказаны в 1869 г. А в том же году в письме к М. К. Рейхель от 18(6) июня, отмечая анархические выходки Бакунина и отмежевываясь от них, Герцен называл его «мастодонтом» и иронически приравнивал к Атилле.

Так ли неизменяема была эта несовместимость Герцена и марксистов? Герцен все более симпатизирует Интернационалу, следит за его конгрессами. В ходе четвертого конгресса, состоявшегося в сентябре 1869 г. в Базеле, как свидетельствует его переписка, сочувствие его – на стороне марксистов, а не противостоящих им бакунистов. В отношениях, осложненных столкновениями и негативными эмоциями, был возможен и перелом.

¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. IX. – М., 1956. – С. 27.

¹⁵ Там же. – Т. XXX. – Кн. 1. – М., 1964. – С. 201.

Внезапная смерть Герцена 21(9) января 1870 г. исключила, однако, реальность его осуществления.

Белинский начинал свой философский путь как правоверный гегельянец, и ему пришлось преодолеть немалый интервал между этим исходным пунктом и окончательными воззрениями, им обретенными. Белинский-мыслитель развивался самостоятельно, но преломлял те импульсы, которые шли извне и соответствовали его идейному поиску.

Смещению его с правового фланга гегелизма на левый посодействовал издававшийся левыми гегельянцами журнал «Галльские ежегодники». Он, как писал об этом Белинский В. П. Боткину 1 марта 1841 г., порадовал его, воскресил, укрепил. Но все это было впечатлением «на минуту». И без того к этому времени он уже осознал, что Гегель превращал явления жизни в «тени». Он лично имел особые важные причины «злиться» на него, ибо был верен ему, мирясь с российской действительностью.

И. И. Панаев, близкий знакомый Белинского, отмечал, что «внутренней ломке», которую тот пережил, содействовал Герцен, но не сомневался в том, что она произошла бы и без его влияния, что он лишь «ускорил ее», что борьба Белинского «с самим собою» предшествовала «радикальному перевороту в его воззрении», хотя она и «была, конечно, видима только его близким»¹⁶.

О «потрясающем впечатлении», которое произвела книга Фейербаха «Сущность христианства» на Белинского, Герцена и лиц из их круга, писал П. В. Анненков. Он стал свидетелем того, как быстро она «упраздняла остатки всех прежних предшествовавших созерцаний», опрокидывала старые «идолы»¹⁷. Впрочем, еще и до знакомства с книгой Фейербаха Белинский, как и Герцен, безвозвратно покончил с религией.

Белинский читал «Немецко-французский ежегодник», изданный в 1844 г. в Париже, где была помещена, в частности, статья Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Белинский отрицал, что «тетрадка» заставила его переродиться. Все же после знакомства с ней он два дня был от нее «бодр и весел». Истину, содержащуюся здесь, он «взял себе», и она обогатила его

¹⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. – М., 1988. – С. 280.

¹⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. – М., 1983. – С. 264.

философию религии: «В словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»¹⁸.

Несмотря на все разочарования в гегельянстве, Гегель, «Егор Федорович», оставался для Белинского «величайшим мыслителем», а его «величайшую заслугу» перед философией он видел в созданном им методе, «до того верном и крепком, что только на его же основании и можно опровергнуть те из результатов его философии, которые теперь недостаточны или неверны: Гегель тогда только ошибался в приложениях, когда изменял собственному методу»¹⁹. Белинский вместе с Герценом интерпретировал метод материалистически и использовал в таком виде в философской практике.

Несколько позже, чем Герцен и Белинский, в конце 40-х – начале 50-х гг., но ту же философскую школу Гегеля и Фейербаха прошел Чернышевский, представитель более молодого поколения. Он сразу оценил Гегеля как человека, создавшего новое направление в философии, но вскоре увидел изъяны в его системе: он «раб» нынешнего социального состояния, имеет «нежное снисхождение» к нему. Фейербах обратил его к материализму; Чернышевский стал считать его лучшим философом столетия, а себя – его последователем.

Но выработывал он собственные взгляды, «новую философию», руководствуясь не только идеями, почерпнутыми у Гегеля и Фейербаха. Были у него уже и русские учителя. Ими он считал Белинского и Герцена, говорил, что в их сочинениях философия, разрабатывавшаяся в Германии, явилась «совершенно в другом свете». Они, по его мнению, шли в одном ряду с мыслителями Европы, а не так, как бывало прежде, – в свите их учеников.

В своем философском поиске Чернышевский, вслед за своими русскими учителями, далеко ушел от Гегеля. Но последний навсегда остался для него «великим философом». Самое ценное достояние, полученное от него и развитое последующей философией, считал Чернышевский, – это «диалектический метод мышления». «Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокои-

¹⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1956. – Т. XII. – С. 250.

¹⁹ Там же. – М., 1955. – Т. VII. – С. 49–50.

ваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обзрывать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета». Все существующее зависит от обстоятельств, места и времени. Следует судить о предметах и явлениях, непременно учитывая ту обстановку, при которой они имеют место; «отвлеченной истины нет; истина конкретна»²⁰.

Гегель явился «величайшим представителем» той философии, благодаря которой развилась вся последующая. Ныне «философское здание», по образному высказыванию Чернышевского, «все перестраивается». В этой перестройке принимал участие и он сам.

Добролюбов среди своих философских учителей упоминал Фейербаха. Но он прежде всего – последователь русских мыслителей. Это, как свидетельствует он сам, Герцен, Белинский, Чернышевский.

Добролюбовым еще в юные годы были отысканы и изучены герценовские «Письма об изучении природы», статьи Белинского. «Энергические слова Белинского» открыли перед ним «совершенно новый мир знания, размышления и деятельности». Идеи, высказанные им, и само имя его стали для Добролюбова «святы»²¹.

Но больше всего он получил от Чернышевского. И до личного знакомства с ним Добролюбов учился на его работах. Познакомились они в апреле 1856 г. и сразу стали единомышленниками и друзьями. М. А. Антонович вспоминал слова, слышанные им от Добролюбова: «А знаете ли, <...> кто меня учил философии, да и не одной философии? Н. Г. Чернышевский...»²²

²⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. – М., 1947. – Т. III. – С. 207–208.

²¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. – Л., 1962. – Т. 4. – С. 277, 278.

²² Антонович М. А. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбова // Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. – М., 1961. – С. 219.

Работая в «Современнике», они постоянно обменивались мнениями, в том числе и по вопросам философии, являлись выразителями единой системы взглядов. Добролюбов был таким же представителем материализма, пользовавшегося диалектикой, как и Чернышевский.

Итак, первое, что объединяет две философии, марксистскую и революционно-демократическую русскую, называемую ее творцами новой, – общность непосредственных предшественников и метод, перенятый у Гегеля и поставленный на службу материализму. Вторая составляющая этого единения – материалистическое восприятие общества, его истории. Не только в марксистской философии, но и в русской материализм не ограничил себя сферой природы, что было свойственно ему изначально. Он и здесь достраивал себя «доверху».

Герцен писал о том, что развитие природы не только предшествует развитию человечества, но и переходит в него. Между ними нет «каменной стены»; действительность истории так же самобытна, как и действительность природы. Это – «главы одного романа», «фазы одного процесса».

Но есть у них отличия, и достаточно существенные. История делается людьми, которые наделены сознанием и волей, могут ускорять или приостанавливать «до некоторой степени» естественный ход событий. Личность создают среда и события, но и эти последние – сами деяния людей; «тут – взаимодействие». «Пеструю жизнь истории» Герцен сравнивал с ковром, в котором по мере его создания можно «*переменить узор*».

Для Герцена-обществоведа «экономический вопрос» – «главнейший», «существеннейший». Свести «религиозные вопросы на человеческие», а «политические вопросы на экономические – в этом вся задача современности»²³.

Белинский считал, что для общества «неизменные законы» так же характерны, как и для природы. Ошибается тот, кто в судьбах человечества видит лишь произвол слепого случая. Простительно было так думать, пока знаний об обществе было мало. Ныне же имеющиеся факты позволяют судить о связи событий прошлого

²³ Герцен А. И. Собр. соч. – М., 1958. – Т. XIV. – С. 33.

и настоящего, их смысле и значении, обнаруживают в истории развитие и прогресс. Прожитое человечеством не пропадает, но сохраняется, оживая в новых формах, более сложных и полных.

Говоря о личности и обществе, Белинский использует сопоставления: часть и целое, орган и организм, растение и почва, его возраставшая. Деятельность людей, пусть даже и великих, ограничена «духом времени» – условиями существования – и не может выйти из «этого магического круга».

В своей статье «Карл Маркс», написанной в 1877 г. и опубликованной в 1878 г., Энгельс писал, что в марксизме история «была поставлена на свою действительную основу»: было установлено, что «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище, одеваться... прежде чем они могут... заниматься политикой, религией, философией и т. д.»²⁴.

Этим же вопросом был занят и Белинский. В «Отечественных записках» за 1844 г. он указывал на то, что «исходный пункт» и «великий рычаг» духовных и нравственных перемен «есть прежде всего материальная потребность»: человек нуждается «в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни». По мнению Белинского, «этой истины может пугаться только детское чувство или пошлый идеализм»²⁵.

П. В. Анненков, человек, близкий к Белинскому, сопровождавший его в заграничной поездке 1847 г., сообщает, что в последние годы мысль его занята была «новой *правдой*, провозглашаемой экономическими учениями»²⁶. Тема эта не могла не затрагиваться им и в его беседах с Анненковым, который еще до этой поездки, в 1846 г., будучи в Брюсселе, познакомился с Марксом и Энгельсом; в 1846–1847 гг. он переписывался с Марксом, выполнял некоторые его поручения. В исследовании, посвященном знакомству Анненкова с Марксом и Энгельсом, обращается внимание на то, что это событие в его жизни повлияло «на круг его интересов и характер суждений»²⁷.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 19. – С. 112.

²⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – М., 1955. – Т. VIII. – С. 287.

²⁶ Анненков П. В. Указ. соч. – С. 336.

²⁷ Конобеевская И. Н., Смирнова В. А. К. Маркс, Ф. Энгельс и П. В. Анненков / П. В. Анненков // Парижские письма. – М., 1983. – С. 472.

Чернышевским был сформулирован «политико-экономический принцип», гласящий, что умственное развитие, как политическое и всякое иное, находится в зависимости от обстоятельств экономической жизни. Бытие человечества, как и отдельного человека, складывается под воздействием многих элементов. Среди них Чернышевский отмечает «материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование...»²⁸. Эти «материальные условия» и составляют «коренную причину» почти всех остальных явлений жизни.

Все русские мыслители, о которых идет речь, – приверженцы социалистической теории; они значительно обогатили ее, предложив путь к обществу нового типа, минующий капитализм. У истоков данной концепции – Белинский и Герцен. В беседах с людьми, ему близкими, Белинский высказывал предположение, что «Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с капиталом и собственностью, чем Европа»²⁹. У Герцена подобный теоретический поиск представлен в литературно оформленном виде. Путь России к социалистическому будущему может быть, по его убеждению, спрямлен, и некоторые стадии, пройденные другими народами, могут выпасть. Не исключая того, что Запад первым продвинется к обществу справедливости, он допускал, что в случае задержки социального процесса там начало ему может дать Россия. Стоит ли ей осуществлять все этапы, пережитые Западом, чтобы оказаться перед теми проблемами, с которыми столкнулся он ныне? Герцен допускал вариант, при котором угнетенная самодержавием социально отсталая страна станет первопроходцем на пути к социализму.

Доработал эту концепцию и придал ей вполне научный вид Чернышевский. Он теоретически доказал, что для России того времени есть одна возможность пропустить капитализм как целостное образование: если она будет пользоваться помощью и поддержкой соседних стран Европы, уже приступивших к строительству социализма. Во второй половине XIX в. Россия, по его мнению, не имела той степени самодостаточности, чтобы без содействия извне сделать это.

²⁸ Чернышевский Н. Г. Указ. соч. – Т. III. – С. 356.

²⁹ См.: Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 270.

Позже, когда капитализм здесь достаточно вызрел, а центр мирового революционного движения переместился в Россию, подобное стало возможным.

Проблема некапиталистического развития страны была поставлена Чернышевским в связи с общей социальной ситуацией. Концепция, начатая в разработке Белинского и Герцена и завершенная Чернышевским, получила одобрение в марксизме. Маркс, ознакомившись со статьями Чернышевского, где она была представлена, нашел их «замечательными». В марксизме концепция эта обрела универсальный характер: не только Россия XIX в., но и вообще любая страна, отставшая в социальном отношении, может избежать капитализма или пройти его частично, неполно при опоре на соседей, построивших или строящих социализм. Концепция эта в XX столетии была апробирована социальной практикой.

Две философии, о которых говорилось в данной статье, существовали независимо одна от другой. Развитие их шло параллельно, в одном направлении, давало сходные результаты. И там и тут использовался метод диалектики, общество трактовалось материалистически, социализм принимался как исторически неотвратимое состояние, за которое предстоит борьба. Отличались эти философии одна от другой принадлежностью к Западу и России, степенью постижения трактуемых проблем, используемыми в теоретическом обиходе категориями. Но они являлись не антиподами, а аналогами.